

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111+165

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29

Дата поступления: 25.08.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 10.12.2023

Д.И. Дубровский
Российская академия наук,
Институт философии,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ddi29@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4392-2526>

К 50-летию дискуссии с Э.В. Ильенковым по проблеме идеального

Аннотация: в статье рассматривается ряд сохранивших актуальность вопросов этой давней дискуссии. Среди них значительное место занимала проблема слепоглухоты и истолкование результатов знаменитого «Загорского эксперимента». В конце 70-х гг. прошлого века Э.В. Ильенков, его сторонники, а также массовая пресса и официальные органы называли его «выдающимся достижением советской науки мирового уровня»: четверо слепоглухих от рождения, лишённые психики и сознания, благодаря марксистским методам воспитания смогли окончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. На этом основывалась концепция Э.В. Ильенкова о формировании личности с «психического нуля», как сугубо социального образования, исключая роль генетических факторов, что использовалось для широких философских выводов о природе сознания и познания. Однако вскоре выяснилось, что все четверо утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, имея уже развитое сознание и сформированную речь. Эти решающие факты опровергали концепцию Э.В. Ильенкова, однако скрывались им и его сторонниками, что находило поддержку со стороны официальных органов. Во времена перестройки эта фальсификация была публично разоблачена. Тем не менее до сих пор во многих философских публикациях сторонников Э.В. Ильенкова эта фальсификация замалчивается и «Загорский эксперимент» превозносится как выдающееся достижение науки. В статье критически рассматриваются эти публикации под углом анализа биосоциальной проблемы, ставшей особенно острой в условиях глобального экологического кризиса. Подчеркивается, что в условиях роста технологических возможностей протезирования зрения и слуха необходима разработка новых методологических, педагогических и психологических подходов к решению проблем слепоглухоты.

Ключевые слова: идеальное; психическое; субъективная реальность; слепоглухота; психофизиологическая проблема; личность; биологическое и социальное; «Загорский эксперимент» и факты его фальсификации.

Цитирование: Дубровский Д.И. К 50-летию дискуссии с Э.В. Ильенковым по проблеме идеального // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 15–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубровский Д.И., 2023 – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.I. Dubrovsky
RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ddi29@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4392-2526>

To the 50th anniversary of debates with E.V. Ilyenkov on the problem of the ideal

Abstract: the article examines a number of issues that remain relevant in this long-standing debate. Among them, a significant place has been occupied by the deaf-blindness problem and the interpretation of the results of the famous “Zagorsky experiment”. In the late 1970s, E.V. Ilyenkov, his followers, as well as the mass press and official bodies called it “an outstanding achievement of the world-class Soviet science”: four congenitally

deaf-blind people, bereft of psyche and consciousness were able to graduate from the Lomonosov Moscow State University faculty of psychology, thanks to Marxist methods of education. This was the basis for E.V. Ilyenkov's concept of the personality formation from "the mental scratch", as a purely social formation, excluding the role of genetic factors, which was used for broad philosophical conclusions about the nature of consciousness and cognition. However, soon all the four were found out to have lost their sight and hearing at a fairly late age, having already developed consciousness and formed speech. These decisive facts refuted the concept of E.V. Ilyenkov, but were hidden by him and his followers that was supported by the official bodies. During perestroika, this falsification was publicly exposed. However, this falsification is still suppressed in many philosophical publications by E.V. Ilyenkov's followers, and the Zagorsk experiment is extolled as an outstanding scientific achievement. The article critically examines these publications in terms of the biosocial problem analysis, which has become especially acute in the context of the global environmental crisis. It is emphasized that in the context of developing technological capabilities for vision and hearing prosthetics, it is necessary to develop new methodological, pedagogical and psychological approaches to solving the problems of deafblindness.

Key words: ideal; mental; subjective reality; deaf-blindness; psychophysiological problem; personality; biological and social; "Zagorsky experiment" and facts of its falsification.

Citation: Dubrovsky, D.I. (2023), To the 50th anniversary of debates with E.V. Ilyenkov on the problem of the ideal, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 15–29, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Dubrovsky D.I., 2023** – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, building 1, 12, st. Goncharnaya, Moscow, 109240, Russian Federation.

Некоторые общие замечания о начале дискуссии, о моих оппонентах и фальсификациях, связанных с «Загорским экспериментом»

Дискуссия по проблеме идеального была начата моей статьей в журнале «**Вопросы философии**» (1968. № 8) и касалась на первом этапе только двух вопросов: критики 1) категорического отрицания Ф.Т. Михайловым и Э.В. Ильенковым психофизиологической проблемы как якобы сугубо «позитивистской псевдопроблемы» и 2) столь же категорического отрицания ими роли генетических факторов в формировании личности. В дальнейшем основным вопросом дискуссии стала собственно проблема идеального.

Я уже не раз отмечал, что в ходе дискуссии Э.В. Ильенков и особенно его сторонники всячески искажали мою позицию. Чтобы показать это и представить ее действительные положения, я привожу ссылки на две мои статьи, опубликованные тогда в журнале «Вопросы философии». Первая из них положила начало дискуссии (Дубровский 1968). Вторая представляла собой ответ Э.В. Ильенкову на его критику указанной статьи (Дубровский 1969). Эти статьи доступны на моем сайте <http://dubrovsky.info/>. Что касается указанной ответной статьи Э.В. Ильенкова, то она тоже доступна в сборниках его сочинений.

Несмотря на то, что со времени дискуссии прошло столько лет, вопросы, обсуждавшиеся в ней, во многом сохраняют свою актуальность. Об этом свидетельствуют более двух десятков статей, опубликованных в самые последние годы, в том числе в журналах «Вопросы философии», «Логос» и др. В них сторонники Э.В. Ильенкова по-прежнему

защищают ультрасоциологизаторскую концепцию развития общества, начисто отрицают роль генетических факторов в формировании личности, игнорируют значение биосоциальной проблемы, которая приобрела сейчас для земной цивилизации судьбоносное значение. Они обвиняют меня, как и полвека тому назад, в «биологизаторстве», «позитивизме», «вульгарном материализме», «субъективизме», «софистике» и прочих смертных грехах.

При этом они произвольно излагают мои взгляды, не утруждают себя приведением цитат из моих работ и ссылок на них, а просто приписывают мне заведомо несостоятельные положения и затем гордо, одним махом их ниспровергают. Обычно они даже не упоминают мою книгу «Проблема идеального» (Дубровский 1983), кстати, первую в нашей философской литературе монографию по этой проблеме, и ее второе дополненное издание (Дубровский 2002), не говоря уже о большом числе статей, опубликованных за прошедшие годы в «Вопросах философии», «Вестнике Российской академии наук» и в других ведущих журналах.

Но, пожалуй, самое интересное состоит в том, что сторонники Э.В. Ильенкова в качестве чуть ли не самого главного аргумента в пользу его концепции воспроизводят, как ни в чем не бывало, давно разоблаченные его фальсификации, касающиеся знаменитого «Загорского эксперимента». Эти разоблачения были сделаны и жестко осуждены еще в 1989 году в книге материалов конференции, специально посвященной проблемам слепоглухоты, на которой наряду с философами и психологами выступали ведущие специалисты в области дефектологии и тифлосурдопедагогики во главе с дирек-

тором Института дефектологии академиком АПН В.И. Лубовским (Слепоглухонемота 1989). Книга вышла небольшим тиражом тридцать лет тому назад. Ее легко было игнорировать. Но опубликованные в ней материалы представляют и сегодня значительный интерес. Я уверен, что, ознакомившись с ними, в этом убедится каждый непредвзятый читатель. Поэтому возникла необходимость переиздания указанной книги. Ее второе издание вышло в 2018 году с некоторыми дополнениями и приложениями (Слепоглухонемота 2018).

Несмотря на фальсификации Э.В. Ильенкова, разоблаченные еще в 1989 году, они весьма активно поддерживаются до сих пор его сторонниками. Приведу один выразительный пример. Перед нами доктор философских наук, профессор Белгородского университета А.Д. Майданский, пожалуй, самый ярый защитник фальсификаций «Загорского эксперимента». Будучи давним и страстным апологетом концепции Ильенкова, он ярко демонстрирует ментальный уровень, характерный для многих нынешних активных сторонников Ильенкова, тех их способы и средства, которые они используют в дискуссии.

Все это четко выражено в его статье и не может быть оставлено без внимания (Майданский 2019). И дело не в том, что он не без оснований называет меня «главным критиком» концепции Ильенкова и обрушивает на меня град эмоционально накаленных инвектив. Подобные обвинения, часто оскорбительного характера, он возводит на многих наших видных ученых и философов, выступавших против Ильенкова.

Вначале Майданский обвиняет в указанной статье крупного представителя генетики А.А. Малиновского в том, что он в корне неправильно понимает «сущность человека», к которой «генетика не имеет никакого отношения», ссылаясь на позицию Ильенкова и «Загорский эксперимент». При этом Майданский (обратите внимание!) использует только одну его статью, опубликованную еще в 1970 году в популярном журнале. И далее автор заявляет, что после этой статьи Малиновского «научный уровень полемики устремился к нулю», а «Дубровский со-товарищи сместили дискуссию в этическую плоскость» (Майданский 2019, с. 84). Всем им – продолжает он – «и в голову не пришло поразмыслить над тем, что такое психика вообще» (Майданский 2019, с. 91), так как они не понимают «теоретического уровня науки», не понимают «сущности теоретического мышления», «силы абстракции» (Майданский 2019, с. 94). «Только не у всякого эта сила абстракции между ушами имеется в нужном количестве» (Майданский 2019, с. 94). А тем, кто говорит о сокрытии Ильенковым противоречащих его концепции фактов, тем – «от науки как до Луны» (Майданский 2019, с. 94). У Майданского же «между ушами» все «в нужном количестве».

Перечень таких разнуданных, высокомерных, примитивных, часто оскорбительных восклицаний можно продолжить. Как будто после 1970 года не было десятков публикаций, посвященных критическому разбору концепции Ильенкова и его трактовки «Загорского эксперимента». Неоднократно называя меня в качестве главного критика, он одним махом ниспровергает мои оценки и выводы, *но нигде, ни разу не приводит ссылок на мои работы*, даже не упоминает о них (а по этой тематике мною написано 7 книг и несколько десятков статей, – как раз в связи с размышлениями «над тем, что такое психика вообще»).

Однако Майданский, судя по всему, все-таки прочел указанный выше сборник докладов конференции, посвященный столь подробно критическому рассмотрению фальсификаций Ильенковым «Загорского эксперимента». И что же? Наш «высоко нравственный» борец за правду начисто игнорирует все факты и многочисленные критические аргументы видных философов, психологов и, главное, специалистов-дефектологов. Он не оставляет камня на камне от основного доклада Сироткина и Шакиной, не обращая внимания на слова директора Института дефектологии В.И. Лубовского: «Институт дефектологии поддерживает позицию по проблемам слепоглухоты и педагогической практики Загорского детского дома, изложенную в докладе С.А. Сироткина и Э.К. Шакиной... Это нашло отражение в публикации их статьи в журнале «Дефектология», 1988, № 1), основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив ученых нашего института» (Слепоглухонемота 2018, с. 117).

До этого Майданскому нет дела. Он оценивает все оптом, в таких выражениях: «Сборник докладов буквально сочился ядом и научной безграмотностью» (Слепоглухонемота 2018, с. 91). «Яд» и «безграмотность», конечно, относятся к докладам и выступлениям всех главных критиков Ильенкова. А ими были не только такие авторитетные философы, как Батищев, Нарский, но и ведущие психологи Ярошевский, Брушлинский, директор Института психологии АПН Матюшкин, а самое важное – директор Института дефектологии Лубовский и ряд сотрудников его института, т. е. те, кто своим неустанным трудом обеспечивал успешную учебу в МГУ знаменитой четверки. Это они, оказывается, «сочились ядом и научной безграмотностью». Такое злобное оскорбление большой группы специалистов возмутительно. Понятно, что это способ компенсации Майданским своих комплексов, неутоленных амбиций и собственной интеллектуальной ограниченности. Вот вам особенно яркое олицетворение многих нынешних горячих сторонников Ильенкова!

Как тут не «сместить дискуссию в этическую плоскость»? В научном плане с Майданским не о

чем дискутировать. Как можно вести обсуждения с человеком столь недобросовестным, злобным, грубо попирающим элементарные нормы нравственности и научной этики!

О проблеме слепоглухоты и подробнее о «Загорском эксперименте»

Разработка проблем слепоглухонемоты проводилась у нас начиная с 20-х годов прошлого века и связана с успехами исследований профессора А.И. Соколянского, его учеников и специалистов по тифлосурдопедагогике из Института дефектологии РАО. В обсуждении этой проблематики активное участие принимали советские философы. Между ними шли острые дискуссии, которые в том или ином виде воспроизводятся и в наши дни.

Действительно, проблема слепоглухоты содержит важные социальные, философские и теоретико-методологические вопросы, которые приобретают большое значение в условиях конвергентного развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, когнитивных технологий. Это касается, прежде всего, решения междисциплинарных задач восстановления зрения и слуха, требующих объединения усилий нейронаучных исследований с психологическими и технологическими решениями, что предполагает специальную теоретико-методологическую работу, способную стимулировать прорывные подходы к протезированию органов чувств.

Мы вступили в принципиально новый этап, когда на первом плане оказываются не только истонные педагогические и социально-психологические проблемы слепоглухоты, но и технологические проблемы создания средств восстановления зрения и слуха.

Это открывает новый уровень комплексного подхода к проблеме и организации помощи слепоглухим. В столь многоплановой деятельности есть место и для философов социального профиля, и для методологов – специалистов по теоретическим и практическим междисциплинарным проблемам современной науки. Обратимся вначале к вопросам участия философов в разработке проблемы слепоглухонемых и к тем давним событиям, отзвук которых дает о себе знать и сегодня.

Философы молодого поколения, во всяком случае, многие из них, уже, наверное, не знают, что в 70-х гг. прошлого века не только философская литература, но и массовая пресса трубила на всю страну о выдающемся достижении советской науки: благодаря ее марксистским методам четверо слепоглухих от рождения смогли успешно закончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. По этой тематике публиковались многочисленные научные статьи, защищались философские и психологические диссертации. Столь впечатляющее достижение получило

название «Загорский эксперимент» – по имени специального интерната в г. Загорске для слепоглухих детей. Главным идеологом, а во многом организатором и практическим руководителем «Загорского эксперимента» был известный философ Эвальд Васильевич Ильенков, который подвел его итоги в своей статье, опубликованной в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» (Ильенков 1977).

Результаты «Загорского эксперимента» были подняты на высокий идеологический уровень, поскольку они, как писалось тогда повсюду, убедительно доказали истинность марксистской теории формирования личности: все определяется исключительно социальными факторами и средствами воспитания, решающей ролью воспитателя, вооруженного передовыми марксистскими методами формирования личности. Никакие генетические факторы, биологические особенности индивида не имеют здесь какого-либо значения. Ведь «Загорский эксперимент» ясно продемонстрировал социальную **рукотворность** самой психики, так как у четверых выпускников МГУ, достигших высокого уровня интеллектуального развития, **не было вначале не только сознания, но даже малейших проявлений человеческой психики.** Ключевым пунктом «Загорского эксперимента» служило именно то, что все четверо были слепыми и глухими от рождения, целиком изолированными от внешней социальной действительности: формирование личности началось «с нуля», с полного отсутствия психики.

Приведу в подтверждение цитаты из итоговой статьи Э.В. Ильенкова в журнале «Коммунист»: «Редко, но случается, что в руки воспитателя попадает существо, по всем биологическим показателям принадлежащее к виду «Homo Sapiens», но **не обнаруживающее признаков человеческой психики – ни сознания, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности.** Такое существо растет – увеличивается в размерах, однако **психическое развитие так и не начинается.** Непосредственная причина этого явления – слепоглухота» (Ильенков 1977, с. 68–69. Курсив мой. – Д.Д.). «Советская наука показала и доказала в данном случае, что научно организованный процесс воспитания даже при таком, казалось бы, непреодолимом препятствии, как **полное отсутствие сразу слуха и зрения,** может вывести ребенка на путь полноценного человеческого развития и сформировать в нем не только психику вообще, но и психику самого высокого порядка... В этом сразу же убеждается каждый, кому удалось познакомиться с четырьмя удивительными людьми – Сергеем Сироткиным, Натальей Корнеевой, Александром Суворовым и Юрием Лернером» (Ильенков 1977, с. 69). «А ведь они как были, так и остались физически слепоглухими и, если бы не специально разработанная наукой система воспитания, были

бы обречены на бессознательное существование в мире мрака и безмолвия, и физического и духовного, и в прямом, и в переносном смысле сих страшных слов. В мире, где есть лишь материя, но нет духа, нет психики, нет сознания и воли, мышления и речи, где есть лишь примитивные органические ощущения собственного тела, его физических состояний, но нет никакого образа внешнего мира. Даже самого смутного» (Ильенков 1977, с. 70. Курсив мой. – Д.Д.). «Исходное условие жесткое: психики нет вообще, и „сама“ она не возникает. Ее надо сделать, сформировать, воспитать» (Ильенков 1977, с. 71. Курсив мой. – Д.Д.). «Исходное условие – то, что дано природой, биологией. Ничтожно мало – одни лишь простейшие органические нужды: в пище, воде да физических факторах известного диапазона. **Больше ничего**» (Ильенков 1977, с. 71).

И вот, благодаря специальным методам воспитания, основанным на марксистской теории личности, они обрели развитую психику, стали полноценными членами общества. Как можно было не восторгаться, не поддерживать всей душой это замечательное гуманистическое достижение!

Но вскоре стали выясняться противоречащие факты. Оказалось, что никто из них не был слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, когда у них уже накопился большой психический опыт восприятия мира и сформировалась развитая речь. Например, один из них – Юра Лернер – поступил в Загорский интернат в 17 лет, закончив в свое время третий класс нормальной школы. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других – остатки зрения. Благодаря этому, например, Александр Суворов мог самостоятельно передвигаться по Москве, пользуясь общественным транспортом. С еще большим успехом это делал Юра Лернер, курсируя из Загорска в Москву и обратно, разъезжая сам на общественном транспорте по нужным адресам (см. его биографию, опубликованную в Википедии).

Все это круто меняло суть дела. Трудно было поверить, что здесь обычная фальсификация. Ведь «Загорский эксперимент» поддерживали и одобряли не только государственные и партийные органы, но и такие крупные научные авторитеты того времени, как А.Н. Леонтьев, В. В. Давыдов, Н.П. Дубинин, многие известные ученые, философы, общественные деятели. Я тоже верил в это «выдающееся достижение советской науки», хотя у меня и оставались вопросы.

Мои колебания между верой и сомнением неожиданно разрешились. Я познакомился с молодой женщиной – специалистом по тифлосурдопедагогике (сотрудницей московского Института дефектологии), которая являлась не кем иным, как преподавателем знаменитой четверки.

Вернее, не я с ней познакомился, а она со мной. Поводом для этого, как она сказала, послужило ее резкое несогласие с методами воспитания и идеологического руководства, которые авторитарно насаждались Э.В. Ильенковым; это касалось и сокрытия фактов действительной биографии его подопечных, особенно того, что никто из них не был слепоглухим от рождения. Она знала о моей дискуссии с Э.В. Ильенковым в журнале «Вопросы философии», разделяла мою позицию и поэтому обратилась ко мне за поддержкой (очень просила не называть ее фамилии, и я до сих пор выполняю эту просьбу). Она помогла мне познакомиться с подробными документальными данными Института дефектологии, касающимися обстоятельств и времени нарушений зрения и слуха у ее учеников, указала на неизвестные мне литературные источники, в которых подробно излагались их биографические данные, в том числе их искренние рассказы о себе, об остатках зрения и слуха, о своих способностях общения между собой и с друзьями.

Стало ясно, что перед нами идеологически санкционированная фальсификация. Вооружившись фактами, я стал ее разоблачать. Я был тогда профессором философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, читал лекции не только студентам, но также в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук и в других местах. Вопросы о слепоглухоноте и «выдающемся достижении советской науки» были тогда чрезвычайно актуальны. Отвечая на них, я называл вещи своими именами, что производило довольно сильный эффект.

И вскоре последовало событие, которого надо было ожидать. Я о нем уже не раз писал. Но здесь, наверное, стоит повторить. Меня вызвали в партком МГУ. Партийный чиновник протянул мне лист с убористой машинописью и сказал, что я обязан ответить на это письмо. В нем сообщалось в партком, что Дубровский и его сторонники порочат выдающееся достижение отечественной науки, обливают грязью светлые имена Ильенкова и Леонтьева, «льют воду на мельницу буржуазной философии» и т.д. и т.п. Подписи нет. Я сказал, что на анонимку отвечать не буду. Возвращая чиновнику этот листок, я заметил, что под ним есть еще один. Развернул его и вижу бланк журнала «Коммунист» и такой текст: «Посылаем письмо по поводу профессора Дубровского. Оно дает повод для серьезных размышлений и выводов. Зав. отделом, доктор философских наук Г. Волков». Прочтя это, я сказал, что в таком случае готов дать ответ и написал, что советская наука не нуждается в приписках и фальсификациях и что я считаю своим долгом разоблачать эту фальсификацию везде, где буду иметь такую возможность. Погорячился, надо было спокойнее.

Прошло месяца два, и журнал «Коммунист» дал по мне залп из тяжелой артиллерии. Критика в мой адрес (как потом выяснилось) была составлена сотрудниками журнала «Коммунист» и смонтирована в статью академика Н.П. Дубинина, который не возражал, так как громил своих коллег-генетиков, особенно академика Б.Л. Астаурова и проф. В.П. Эфроимсона за «биологизацию» социальных явлений. Он цитировал указанную выше, опубликованную в «Коммунисте» статью Э.В. Ильенкова и ссылался в качестве аргумента на результаты воспитания детей «слепых и глухих от рождения» (Дубинин 1980, с. 64).

Что касается меня, то после цитат из моей книги (Дубровский 1971) и ряда других публикаций в статье говорилось: Дубровский «в своих софистических рассуждениях, отгалкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественнонаучный, но общественно-политический аспект» (Дубинин 1980, с. 72). Провозглашая возможность расшифровки мозговых кодов психических явлений, он заявляет «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций» (Дубинин 1980, с. 73), игнорирует «азбучные истины исторического материализма» (Дубинин 1980, с. 73). И завершающий аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания» (Дубинин 1980, с. 73).

Философы старшего поколения хорошо знают, что означали тогда такие аттестации в печатном органе ЦК КПСС. А ведь я тогда был не только профессором философского факультета, но также членом редколлегии и заведующим отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания журнала «Философские науки». Я собрался уже искать работу на заводе по старой своей пролетарской специальности токаря. Меня не выгнали из МГУ и из журнала только благодаря энергичному заступничеству главного редактора журнала «Философские науки» Владимира Спиридоновича Готта, у которого, как у бывшего крупного партийного работника, сохранились связи в высших сферах ЦК КПСС. И дело, к моему удивлению и к еще большему удивлению моих коллег по МГУ, спустило на тормозах. Однако поставленное на мне «Коммунистом» клеймо «ревизионизма» и, значит, «неблагонадежности» еще долго давало знать о себе в моих социальных и философских коммуникациях, особенно когда дело касалось моей концепции о расшифровке мозговых кодов психических явлений и тем более обсуждения взглядов Э.В. Ильенкова.

Концепция Э.В. Ильенкова и биосоциальная проблема

Нетрудно увидеть, что полемика со сторонниками Э.В. Ильенкова по вопросам «выдающе-

гося достижения советской науки» явилась, по существу, продолжением дискуссии, начавшейся с Э.В. Ильенковым, как уже говорилось, по двум вопросам. Я резко критиковал Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова за отрицание ими значения психофизиологической проблемы (которую они считали пережитком позитивизма, а меня, соответственно, «позитивистом»). Но более важным был второй вопрос. Э.В. Ильенков категорически утверждал, что формирование личности зависит исключительно, как он говорил, «на все 100 %» от социальных условий и средств. Я же настаивал на том, что в этом процессе существенную роль играют также и генетические факторы, которые необходимо учитывать в решении проблем воспитания и образования. При этом, ни в коей мере не умаляя роли социальных факторов, я подчеркивал необходимость глубокого анализа биосоциальных взаимозависимостей в развитии социума и личности. Мои же оппоненты изображали дело так, будто я пытаюсь подменить социальное качество биологическим, и называли меня «биологизатором позитивистского толка». Ко времени дискуссии было накоплено огромное число научно обоснованных данных о существенной роли генетических факторов в формировании характера, темперамента, способностей и других свойств личности. Еще за несколько лет до дискуссии была присуждена Нобелевская премия за открытие генетического кода, опубликованы многочисленные работы о поразительных сходствах психики у однояйцевых близнецов, разлученных сразу после рождения и воспитывавшихся в совершенно разных социальных условиях; было известно множество других убедительных свидетельств такого рода. Но мои оппоненты высокомерно игнорировали эти несомненные факты, предпочитая оставаться на «высоте» положений исторического материализма. Они занимали крайнюю социологизаторскую позицию в истолковании биосоциальной проблематики, ставшей уже в то время высоко актуальной, жизненно важной для понимания развития нашей цивилизации. Уже тогда ясно обозначились некоторые существенные черты глобального экологического кризиса, который в последующие годы продолжал неуклонно углубляться и поставил под угрозу само существование социума. На этом фоне очевидна несостоятельность, более того – опасность радикальных социологизаторских установок, столь характерных для Э.В. Ильенкова и его сторонников.

Большинство участников дискуссии, опубликовавших статьи в журнале «Вопросы философии» в 1969 г., однозначно поддержали мою позицию. В течение последующих десятилетий эту дискуссию довольно часто вспоминали, более того, публиковались специально посвященные ей статьи. Их авторами были, как правило, сторонники Э.В. Ильенкова, которые продолжали критиковать

меня в том же духе. Я не отвечал на эту критику, так как считал, что уже ответил на нее в статье, написанной по итогам дискуссии (Дубровский 1969). Как правило, я не читал эти публикации, примерно знал, что там будет написано. Но иногда кое-что просматривал и убеждался, что мои оппоненты ничего нового не сообщают. Все те же абстрактные клише, оторванные от новых реалий социальной жизни и достижений науки, те же превознесения «Загорского эксперимента» и восклицания о несостоятельности моей концепции субъективной реальности, безусловной правоте Э.В. Ильенкова. Уже в новом веке вышло несколько десятков публикаций на эту тему.

Остановлюсь лишь на одной из них (Плеханов 2007), поскольку ее автор, несмотря на предубежденность в безусловной истинности ильенковской позиции, тем не менее довольно подробно и во многом адекватно излагает материалы дискуссии, подчеркивая ее большое значение для развития отечественной философской мысли. В ней отмечают даже некоторые положительные моменты моей концепции, но критика ведется по тем же пунктам: отрицается роль генетических факторов в формировании личности и общественной жизни, моя концепция субъективной реальности изображается таким образом, что она якобы способствует оправданию субъективизма и индивидуализма. Автор пишет, что она стала особенно востребованной с началом перестройки, «на волне расправы с социализмом» и утверждения «технократической идеологии», «пресловутого представления, что человек – это кибернетическое существо» и т. п. Более того, она якобы способствовала разгулу иррационализма, появлению во времена перестройки множества экстрасенсов, колдунов, ясновидцев, лжецелителей, астрологов, продолжающих размножаться по сей день: «Именно они, в полном соответствии с программой Дубровского, успешно обнаруживали „инварианты субъективных реальностей“: в роскошах, психотипах, архетипах, темпераментах и т.д. и т.п.» (Плеханов 2007, с. 153–162).

Тут у Плеханова явно разыграли эмоции, и он, как и многие сторонники Ильенкова, не удержался от того, чтобы приписать оппоненту нечто явно «зловредное» и тем самым сразу «уничтожить» его. В таком случае я бы мог с еще большим основанием утверждать, что концепция Э.В. Ильенкова способствовала упрочению марксистских идеологических догм, особенно в области «коммунистического воспитания», созидания «нового человека», беспрекословно послушного «Педагогу», воле партии и начальства.

Мои оппоненты, а часто и сторонники, «не замечали» того главного обстоятельства, что развивавшаяся мной концепция идеального как субъективной реальности, изложенная в книге «Проблема идеального» (Дубровский 1983), **имела задачей**

реабилитацию проблемы индивидуального сознания в качестве философской проблемы. Ведь Э.В. Ильенков и его сторонники считали проблему индивидуального сознания психологической, а не философской, и вместе с этим исключали из философии многие важнейшие проблемы, в том числе столь актуальную для человека и общества экзистенциальную проблематику. С их позиции, все определялось общественным сознанием в его марксистском истолковании, и к этому сводилась философская проблема сознания. Мои оппоненты, наверное, уже забыли, что в советские времена индивидуальное сознание жестко контролировалось и ограничивалось рамками официальной идеологии – основой советского общественного сознания. Попробовали бы вы публично говорить тогда что-то такое, что хотя бы в чем-то расходилось с марксистской идеологией или даже с какими-то положениями, которые санкционированы партийными органами. Это можно было позволять себе только в разговорах на кухне. Времена дискуссии с Э.В. Ильенковым были уже сравнительно «мягкими»: могли уволить с работы, а особенно стропами устроить в психиатрическую лечебницу. Тем не менее, разоблачение фальсификаций, связанных с «Загорским экспериментом», оставалось под запретом.

Через 10 лет разоблачение, наконец, состоялось?

Но не будем спешить...

В период перестройки все идеологические запреты были сняты, и можно было, наконец, говорить правду. В начале 1987 г. я создал при Философском обществе СССР секцию «Проблемы психорегуляции и резервных возможностей человека», в состав которой вошли ведущие философы, психологи, нейрофизиологи, психиатры и даже физики; главная задача секции состояла в борьбе против лженаучных поветрий, охвативших тогда страну. Секция провела в Институте философии представительную конференцию (присутствовало более 300 человек), предметом которой было обсуждение телевизионной деятельности Кашпиоровского, «лечившего» тогда с экрана всю страну. Именно она сыграла решающую роль в запрете этой противоправной, опасной деятельности, имевшей для доверчивых людей немало тяжелых последствий. Вскоре наша секция организовала и провела вторую научную конференцию, специально посвященную проблеме слепоглухонемоты. В ней приняли участие и выступали директор Института психологии А.М. Матюшкин, директор Института дефектологии В.И. Лубовский, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, крупные специалисты по тифлосурдопедагогике, ряд ведущих психологов и философов. Были приглашены и приняли участие в обсуждении также

сторонники Э.В. Ильенкова (проф. С.Н. Мареев и др.). С основным докладом на конференции выступили С.А. Сироткин (один из знаменитой четверки слепоглухих, ставший к тому времени заведующим сектором социальной реабилитации слепоглухих Всесоюзного общества слепых) и кандидат философских наук Э.К. Шакинова (известный специалист в области изучения слепоглухоты).

В докладе подробно рассматривались философские методологические вопросы тифлосурдологии, отмечались недостатки концепции Соколянского-Мещерякова и, что особенно важно, резкой критике подвергались установки Ильенкова, отрицавшие роль генетических факторов в формировании личности. Вместе с этим как в самом докладе, так и в большинстве выступлений на обширном документальном материале были решительно раскрыты все подробности фальсификаций и махинаций, связанных с историей и методами воспитания слепоглухих, показана и неприглядная роль в этом Э.В. Ильенкова. Материалы конференции были опубликованы в виде книги (Слепоглухонемота 1989).

Казалось бы, правда, наконец, восторжествовала. Надо пересмотреть сложившиеся в прошлые годы философские истолкования и оценки «Загорского эксперимента», отбросить идеологические наслоения и продолжить научную разработку этой сложной проблемы. Однако для сторонников Э.В. Ильенкова этой книги, в которой столь подробно и доказательно изложено реальное положение дел, как бы не существует. Они по-прежнему продолжают воспроизводить фальсифицированную версию о «выдающемся достижении советской науки», которое якобы доказало несостоятельность «биологизаторских» подходов к формированию личности и, конечно же, концепции субъективной реальности Дубровского. Со времени выхода этой книги прошло 30 лет, и можно было бы не возвращаться к старому. Но ведь проблема слепоглухоты продолжает оставаться предметом обсуждения, к ней то и дело возвращается широкая пресса. Сейчас к этой проблеме привлечено общественное внимание плодотворной деятельностью Фонда поддержки слепоглухих «Соединение». К этой теме постоянно возвращаются сторонники Э.В. Ильенкова. Они весьма активны, энергичны, преподают философию во многих высших учебных заведениях, успешно формируют общественное мнение, особенно у студентов и молодых философов, далеких от событий философской жизни 70-х годов прошлого века.

В последние годы проблема слепоглухоты не раз обсуждалась в наших ведущих философских журналах. Сравнительно недавно в «Вопросах философии» можно было прочесть статью, в которой метод «совместно-разделенной предметной деятельности», используемый в Загорском экспе-

рименте, рассматривается как главное средство «воспитания души, сознания и личности»; и в этой связи автором превозносятся «А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков, сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения» (Лобастов 2015, с. 90).

В том же журнале опубликованы две статьи Д. Бэкхерста, давнего сторонника Э.В. Ильенкова, который проводит во многом надуманную альтернативу «церебрализма» и «персонализма» в изучении психической деятельности, стремясь показать правоту Ильенкова в давней дискуссии со мной по психофизиологической проблеме. «Церебрализм», по словам Бэкхерста, это концепция, согласно которой «психические характеристики можно на законном основании приписывать мозгу», что в корне неверно; они должны приписываться только личности, ибо «представляют собой аспекты ее способа взаимодействия с миром» (Бэкхерст 2013, с. 50). Такова суть концепции «персонализма», которая, как подчеркивает Бэкхерст, справедливо и дальновидно отстаивалась Ильенковым. Но ведь «церебраллисты» ни в коей мере не отрицают правомерности тезиса о личности как о субъекте психической деятельности. В чем же здесь альтернатива? Бэкхерст, видимо, просто не компетентен в вопросе о характере связи психических явлений с мозговыми процессами и не отдает себе отчета, что прежде чем рассуждать в наше время о «церебрализме» и «персонализме», нужно вначале четко осмыслить и определить эту связь. Скажем, Бэкхерст сейчас увидел лицо знакомой ему женщины. Этот переживаемый им психический образ (как свидетельствует нейронаука) необходимо воплощен в соответствующей нейродинамической системе его мозга и существует для Бэкхерста, пока функционирует данная нейродинамическая система. Почему же это психическое явление нельзя приписывать мозгу Бэкхерста в такой же мере, как и его личности? Вот интересный пример, на котором он поясняет, где именно находится мысль: «Местонахождения мыслей личности – не „в“ ее мозгу, но там, где эта личность находится (например, в библиотеке или в пабе)» (Бэкхерст 2010, с. 93). «Мышление, – продолжает он, – есть движение сквозь мир, навигация в реальности с учетом разумных соображений» (Бэкхерст 2010, с. 93). Пусть будет «навигация», но ведь она тоже есть деятельность мозга, и она продуктивно изучается нейронаукой, особенно таким ее направлением, которое называется «чтением мозга». Д. Бэкхерст целиком повторяет образ мысли «персоналиста» Э.В. Ильенкова, посвящает многие страницы статьи защите его позиции, подчеркивает его правоту в дискуссии со мной о психике и мозге. Понятно, почему он в свое время активно поддерживал официальную версию («каноническую» версию, как ее называют) «Загорского эксперимента». Основа-

тельная критика «персонализма» («ментализма»), включая тот смысл, который ему придавали Ильенков и Бэкхерст, содержится в книге (Губанов, Губанов 2016).

Журнал «Вопросы философии» также опубликовал две большие статьи Ю.В. Пущаева, специально посвященные «истории и теории Загорского эксперимента». Они заслуживают подробного рассмотрения, и я уделю этому внимание позже. А сейчас остановимся на, пожалуй, самом интересном.

«Ильенковские чтения»

Они систематически, много лет проводятся в виде конференций и содержат обширные материалы по обсуждаемой тематике. Честно говоря, я не следил за этими конференциями. Но вот последние, 18-е Ильенковские чтения, материалы которых были изданы в 2016 г., я прочел самым внимательным образом (Чтения 2016). На этих Чтениях были, конечно, все «свои». Никаких, даже малейших критических замечаний в адрес положений Э.В. Ильенкова не было и в помине. Только одобрительные, возвышенные оценки. Весь сборник материалов, объемом в 290 страниц, можно было бы озаглавить по названию статьи одного из авторов – И.Б. Хидиятова «Ильенков – камертон современности для философской мысли» (Чтения 2016, с. 216).

Большинство докладов выдержано в марксистском ключе, посвящено все той же проблеме идеального, вопросам диалектической логики, формирования личности, задачам образования и воспитания. И, конечно же, не забыта наша с Ильенковым дискуссия. Мне достается при этом по полной программе. По словам В.А. Рыбина, в дискуссии со мной «победа Ильенкова выглядела безусловной» (Чтения 2016, с. 100). И сейчас «Дубровский эксплицирует те установки биологического редукционизма, которых он придерживался и прежде и которые на тот момент, почти 50 лет назад, казалось, окончательно были опрокинуты Ильенковым в их споре о соотношении биологического и социального в человеке, особенно имея в виду результаты Загорского эксперимента» (Чтения 2016, с. 101). Обратите внимание, автор не знает или не хочет знать о фальсификации этих результатов, для него «Загорский эксперимент» остается главным аргументом против позиции Дубровского. Обыгрывая используемое мной понятие «антропотехнологической эволюции», Рыбин заявляет, что моя концепция «ведет к модели „покруче“ миров Хаксли, Оруэлла, Замятина» (Чтения 2016, с. 100). Большая часть критики в мой адрес относится к концепции идеального как субъективной реальности. Р.Р. Вахитов считает, что в моих взглядах выражается «вульгарный материализм» (Чтения 2016, с. 3) и что критика Э.В. Ильенковым моей концепции – «это критика новой исторической формы философской софистики» (Чтения 2016, с. 52). Именно

Э.В. Ильенков понял, что в ней заложена «тенденция к философскому релятивизму, скрытая в трактовке идеального по Дубровскому» (Чтения 2016, с. 52). Общая же оценка Вахитова такова: «Дубровский и его сторонники... создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии... в рамках которой все идеалы и ценности латентно сводились к текучим, мимолетным и субъективным психическим феноменам» (Чтения 2016, с. 53). При этом у моих критиков – только одни декларации, ни одного аргумента, ни одной сноски на определенные положения в моих работах. Как будто не было моей монографии «Проблема идеального» (Дубровский 1983). В ней подробно анализировались все ее основные аспекты, в том числе проблема индивидуального и общественного сознания, их соотношение, роль социокультурных структур и коммуникаций, соотношение понятий идеального и психического, идеального и деятельной активности, идеального и идеала и др. Не существовало для участников «Ильенковских чтений» и второго, дополненного издания этой книги (Дубровский 2002), а также доброго десятка моих статей в главных наших философских журналах по различным аспектам проблемы идеального. То же самое, что и с книгой о слепоглухоноте, разоблачающей фальсификации Э.В. Ильенкова. Этого не хотят видеть, и, значит, этого не существует. Хорошо известный феномен ментальной слепоты и глухоты для немалого числа философских дискуссий (можно считать его своеобразным аспектом проблемы слепоглухоноты).

Во всех материалах «Чтений», где речь идет о Загорском эксперименте, по-прежнему утверждается, что все четверо были тотальными слепоглухими от рождения. Вот, что пишет М.С. Готовкина: «Э.В. Ильенков называет поступающих в Загорский интернат слепоглухонемых детей „человекообразными растениями, лишенными психики“... так как слепоглухота начисто перерезает все обычные каналы общения мозга с миром человеческой культуры» (Чтения 2016, с. 135). И далее: «Э.В. Ильенковым было доказано на практике: дети, *страдающие слепоглухотой от рождения*, способны овладевать не только специфическими навыками человеческой деятельности, но и могут проявлять достаточно высокие умственные способности» (Чтения 2016, с. 136). М.В. Загоруйко подчеркивает, что Загорский эксперимент проводился со слепоглухими детьми, «*не имевшими практически никакого контакта с внешним миром*» (Чтения 2016, с. 139). «Удачное окончание эксперимента подтвердило практикой теорию о трудовом происхождении человека» (Чтения 2016, с. 139). Подобные суждения о Загорском эксперименте, на таком же «теоретическом» уровне, демонстрируют К.М. Лауфер (Чтения 2016, с. 96–99), А.Е. Мальчонок (Чтения 2016, с. 127–130) и др.

Что же получается? Одно из двух: либо здесь мы тоже имеем дело с прямой фальсификацией, либо перед нами проявления невежества, нарушение элементарных условий профессиональной деятельности. А ведь эти докладчики преподают философию в высших учебных заведениях, учат молодежь.

Учитывая все изложенные выше обстоятельства, особенно же факты «слепоглухоты» довольно большой группы философов к фактам фальсификаций в «Загорском эксперименте», я решил переиздать книгу 30-летней давности, которая сохранила свою актуальность для современного осмысления проблемы слепоглухоты, вопросов, касающихся формирования личности и ряда важных аспектов биосоциальной проблемы (Слепоглухонемота 2018).

«Загорский эксперимент» и принципы марксизма. О «рукотворстве» человеческой психики «с нуля», генетических факторах, «позитивизме» и «биологизме»

Обратимся теперь к названным выше статьям Ю.В. Пуцаева. В первой из них подробно излагается история изучения проблемы слепоглухоты, представленная в мировой литературе, и на этом фоне рассматривается история «Загорского эксперимента». В аннотации прямо говорится, что этот эксперимент «рядом философов и психологов трактовался как имеющий фундаментальное значение, поскольку он раскрывает, как они считали, тайну рождения человеческой личности» (Пуцаев 2013а, с. 132). По словам Ю.В. Пуцаева, четверо слепоглухонемых, тогда еще студентов МГУ, для Ф.Т. Михайлова, как он выразился, «предстали живым ответом на вопрос о загадке человеческого Я» (Пуцаев 2013а, с. 133). «Советские психологи, педагоги, и философы, вознесшие Загорский эксперимент на беспрецедентную высоту, утверждали, что на примере воспитания и обучения слепоглухих детей впервые ни много ни мало экспериментально продемонстрировано, «откуда берется ум», строго научно и окончательно подтверждено марксистское понимание человеческой личности, тайны ее возникновения и сущности» (Пуцаев 2013а, с. 133).

Автор, разумеется, не разделяет столь возвышенные оценки, стремится реалистично подойти к рассмотрению ситуации с «Загорским экспериментом» и его действительных результатов. Он прямо говорит: «Загорский эксперимент проводился во многом из идеологических побуждений» (Пуцаев 2013, с. 138), и признает, что Ильенков и его сторонники замалчивали ключевой факт, что никто из четверых участников «Загорского эксперимента» не был слепым и глухим от рождения. Но то, что они окончили психологический факультет МГУ, было действительно большим достижением, большой заслугой работы с ними тифлосурдо-

педагогов. Это, конечно, не подлежит сомнению. Ю.В. Пуцаева беспокоит вопрос: справедливо ли обвинять Э.В. Ильенкова в фальсификации (этот вопрос специально обсуждается во второй статье).

Ю.В. Пуцаев подробно анализирует смысл и задачи «Загорского эксперимента» и разные значения в его названии самого термина «эксперимент». По его словам, «самый амбициозный смысл термина „эксперимент“ в данном контексте состоял в том, что Ильенков и Мещеряков придали этому термину уже философское, а именно универсальное и фундаментальное значение. Этот, казалось бы, особый случай, касающийся лишь узкой дефектологической проблемы, по Ильенкову, *научно* открывает главную тайну мироздания: показывает, как вообще возникает человеческая психика, т. е. как возникает сама человеческая личность во всей ее многосложности и многосторонности» (Пуцаев 2013а, с. 138). Автор рассматривает спор о том, что является главным фактором «очеловечения» слепоглухого ребенка: «совместно-разделенная деятельность» или обучение языку. Сторонники «канонической» версии «Загорского эксперимента» (Ильенков, Мещеряков и др.) были убеждены, что не обучение языку, а именно обучение элементарным навыкам практической деятельности (взятие ложки, вождение рукой ребенка при простейших действиях с предметом и т. п.) позволяет сделать первые шаги в развитии психики; формирование речи – производная задача. Такой подход якобы правильный, потому что соответствует марксистскому пониманию решающей роли практики.

«Почему вообще слепоглухота, обучение слепоглухих детей были так важны для Ильенкова? – спрашивает Ю.В. Пуцаев. – Почему он, с позволения сказать, так ухватился за тему Загорского эксперимента? Для него как философа-марксиста непререкаемой истинностью обладали идеи, что труд создал человека, что практика – основа человеческого общества» (Пуцаев 2013а, с. 141). Отсюда же и главный тезис концепции Э.В. Ильенкова о решающей роли воспитания и воспитателя, как «рукотворца» человеческой души. Если в обычных условиях нельзя устранить факторы «педагогической стихии» (результаты общения ребенка с другими детьми и взрослыми), то в случае слепоглухого ребенка «все условия и факторы формирования психики можно строго зафиксировать и поставить под контроль. За все в ответе ты один – педагог-воспитатель. Само собой тут ничего не возникает и не разовьется. Таковы условия задачи» (Ильенков 1991, с. 33). Здесь, конечно, исключается влияние биологических факторов, пресекаются влияния «чуждых» педагогических воздействий, все определяется исключительно социальными факторами, наставлениями идеологически зрелого педагога, руководителя (решениями партии и правительства?). Знакомая ситуация!

Со всеми оценками и интерпретациями концепции Э.В. Ильенкова, которые были приведены Ю.В. Пуцаевым выше, я согласен. Они носят критический характер и показывают, как в угоду марксистским идеологическим догмам фабрикуются «нужные» концепции. Ю.В. Пуцаев справедливо отмечает, что критика «канонической версии» Загорского эксперимента, высказанная на Конференции 1988 г. и зафиксированная в ее опубликованных материалах (Слепоглухонемота 1989), явилась продолжением дискуссии между мной и Э.В. Ильенковым (и нашими сторонниками), которая началась за 20 лет до этого. Но изложение этой дискуссии Ю.В. Пуцаевым вызывает у меня ряд существенных возражений. Он пишет, например, будто я «доказывал, что в формировании личности решающую роль играют генетические и биологические особенности ее мозговых структур» (Пуцаев 2013а, с. 143). Я нигде и никогда не доказывал этого, а утверждал лишь то, что эти факторы играют существенную роль в формировании личности и их нужно учитывать в решении вопросов образования и воспитания. Тезис о «решающей роли» – явный нонсенс, ибо означает отрицание или крайнее принижение ведущей роли социальных факторов, т. е. отрицание столь очевидного, всем понятного, важнейшего значения воспитания и образования.

Но кто сегодня может отрицать необходимость учета генетических факторов в формировании личности? Это давно стало общим местом. Но именно это я доказывал в 1968 г., хотя уже тогда и еще на десятки лет раньше это было доказано наукой. Мои критики всегда «передергивали» карту, подменяя «существенную роль» «решающей ролью». И одним махом «уничтожали» своего оппонента. Странно, что этого не заметил Ю.В. Пуцаев. Далее он продолжает: «Стоит отметить, что помимо довольно стандартного позитивизма (утверждение о том, что особенности нейродинамической системы мозга можно адекватно перевести на язык индивидуальных психологических различий), Дубровским отчасти двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды, неполной податливости социальным факторам. Высказанные Дубровским мысли можно было истолковать и в пользу того, что в человеке есть некий неустранимый остаток, который является своего рода гарантией неподвластности личности внешним социальным влияниям. Правда, это неустранимое личностное ядро Дубровский, в свою очередь, истолковывал в биологическом, позитивистском духе, локализуя его в физиологических характеристиках головного мозга» (Пуцаев 2013а, с. 143). Поэтому, заключает Пуцаев, Ильенков был прав, когда упрекал Дубровского в биологическом детерминизме, неприемлемом с нравственных позиций.

Прошу прощения у читателя за столь длинную цитату. Но в ней содержатся принципиальные вопросы, на которые нужно дать ответ. Вначале, о «стандартном позитивизме», «биологическом, позитивистском духе». Как и Ильенков, Пуцаев называет «позитивизмом» такие подходы к сознанию, психике, личности, когда некоторые их свойства объясняются с позиций науки. Но ведь не только философия, но и наука изучают психику, сознание, личность, и она накопила в этом отношении весьма значительные знания. Почему же налагается запрет, например, на объяснение ряда свойств сознания с позиций нейробиологии или психиатрии или даже генетики. Такие объяснения могут существенно корректировать абстрактные и замшелые философские клише, которыми привычно оперируют некоторые мои оппоненты. Пуцаеву, поскольку он все же далек от изучения современной нейронауки и психоневрологии, наверное просто не известно, что исследования в этих дисциплинах позволяют «адекватно перевести» некоторые нейродинамические системы мозга на психологический язык (достаточно ознакомиться с соответствующими результатами такого направления нейронауки, которое именуют «Чтением мозга», или с выдающимися психоневрологическими исследованиями В. Рамачандрана (Рамачандран 2014). Генетика тоже накопила весьма существенные данные о влиянии на формирование нравственных свойств личности – моим оппонентам достаточно познакомиться хотя бы с книгой знаменитого отечественного генетика В.П. Эфроимсона (Эфроимсон 2004).

Но я не буду дальше заниматься ликбезом. Скажу лишь о том, что отрыв философии от науки нередко ведет к явной схоластике. Правда, изучать науку, следить за ее развитием – дело трудное. Гораздо проще использовать вместо основательной аргументации бирку «позитивизм» в уничижительном значении этого слова. Кстати, презрительно говоря о позитивизме как способе объяснения сознания и личности с позиций данных науки, Ильенков сам грешит позитивизмом. Как заметил Пуцаев по поводу истолкования роли «Загорского эксперимента», «Ильенков в каком-то смысле занял тут позитивистские позиции, поскольку стал считать, что научный эксперимент может разрешить тайны человеческой личности» (Пуцаев 2013а, с. 144). Интересно, не правда ли?

В отношении моей позиции Пуцаев тоже верно подметил, что при акцентировании роли биологических факторов мною «двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды». Надо было уточнить «от влияния негативных факторов», «неприемлемых факторов» социальной среды. В каждом из нас действительно есть «неустранимое личностное ядро», которое определяется в своей основе

генетическими факторами, задающими неповторимость индивида, его сопротивляемость определенным социальным воздействиям, в том числе воспитательного характера. Над этим «ядром» надстраиваются и укрепляют его (или в известной мере разрушают его) социально значимые ценностно-смысловые диспозициональные структуры, которые определяют основные свойства личности, ее ведущие деятельно-волевые интенции. В нашем человеческом высокомерии мы иногда забываем, что биологическое первично, а социальное вторично, производно от биологической самоорганизации, накопившей за многие сотни миллионов лет эволюции колоссальный информационный опыт самоорганизации, на фоне которого опыт социальной самоорганизации нередко выглядит, мягко выражаясь, не в лучшем свете. И нельзя забывать, что такие главные человеческие ценности, как жизнь, здоровье, семья, дети, любовь, биологически обусловлены.

Оценивая нашу с Ильенковым дискуссию, Пущаев далек от того, чтобы выступать апологетом концепции Ильенкова. Он видит ее недостатки, отмечает даже ряд положительных сторон моей концепции, готов согласиться, что «социальное» не является на 100 % социальным «продуктом», что «никакое социальное влияние или воспитание не всеильно» (Пущаев 2013а, с. 143–144). Но вот его упреки в «позитивизме» неуместны и могут быть обращены и в его сторону, поскольку он тоже ссылается на научные данные, когда рассматривает философские оценки психики и личности.

После дискуссии с Ильенковым, как считает Пущаев, у меня со временем дела пошли лучше, стал убавляться «позитивизм»: «Позже Дубровский несколько отошел от своего естественно-научного позитивизма и стал толковать идеальное (основная тема его многолетнего спора с Ильенковым) как субъективную реальность» (Пущаев 2013а, с. 143). Вот здесь Пущаев сильно ошибается. Не «позже», а уже в статье, открывшей дискуссию с Ильенковым и Михайловым, я исхожу из понимания идеального как субъективной реальности (Дубровский 1968, с. 126). Концепцию идеального как субъективной реальности я развивал с середины 60-х гг. Это отражено в ряде статей тех лет и наиболее полно в докторской диссертации; кратко же – в ее автореферате, изданном в начале 1968 г., накануне дискуссии с Ильенковым. Кстати, из-за нее мне пришлось защищать докторскую диссертацию трижды! А четвертый раз – еще и в ВАКе. Вскоре после защиты диссертация была опубликована в виде монографии (Дубровский 1971). Пущаев может легко обнаружить свою ошибку, поскольку эта старая книга легко доступна – выставлена на моем сайте. К тому же она недавно, ровно через 50 лет, переиздана (Издательство ЛЕНАНД, М., 2021. 400 с.).

«Ошибка» Э.В. Ильенкова... а не «фальсификация»?

Перейдем теперь ко второй статье Ю.В. Пущаева, поставившей задачей доказать, что в концепции Э.В. Ильенкова не было сознательной фальсификации. «Мы думаем, – заявляет он, – что вряд ли люди масштаба Ильенкова способны опуститься до прямого обмана» (Пущаев 2013б, с. 125). Тут, продолжает он, если и была «вина», то не было «злого умысла» (Пущаев 2013б, с. 125). Действительно, умысел был «добрым» и «возвышенный» – доказать непреклонную истинность марксистского понимания формирования личности. Именно этот «добрый» умысел, как подробно пишет далее Пущаев, послужил причиной сокрытия ключевых фактов, опровергающих на корню «Загорский эксперимент». Автор изобретательно ведет свою линию защиты, постулирует принцип «презумпции невиновности», поскольку, как он считает, «прямых доказательств того, что Ильенков сознательно лгал, нет», и пытается выступать, как он говорит о себе, «отчасти» в роли «адвоката дьявола». Во-первых, говорит он, в книге А.И. Мещерякова «Слепоглухие дети» эти факты были опубликованы. Далее речь ведется о том, что сторонники «канонической» версии считали, что можно приравнять тотальную слепоту и глухоту от рождения к утрате зрения и слуха в раннем детском возрасте. Поэтому, мол, не столь важно было специально и подробно говорить о том, что участники «Загорского эксперимента» не были слепыми и глухими от рождения. Однако хорошо известно (в том числе, конечно, и Ильенкову), что они утратили зрение и слух не в раннем детском возрасте, а тогда, когда у них уже был накоплен значительный сознательный опыт и сформировалась речь. Кроме того, тифлосурдопедагогика категорически опровергает попытку отождествления слепоглухоты от рождения с утратой зрения и слуха даже в самом раннем возрасте (она показывает, что результаты развития ребенка будут тут существенно различными).

Пущаев прямо ставит вопрос: скрывалось ли то, что они не были слепыми и глухими от рождения? И отвечает: «В каком-то смысле, на наш взгляд, и да, и нет. Эти сведения в принципе были известны, но чтобы до них добраться, нужно было проявить изрядную дотошность и заинтересованность (как их проявил, например, давний оппонент Э. Ильенкова Д. Дубровский)» (Пущаев 2013б, с. 126). Сам он, говорит, тоже верил в «каноническую» версию, пока не познакомился с материалами нашей Конференции 1988 г., которые произвели на него «почти шокирующее впечатление». И тогда он стал выяснять, в чем же суть дела. Все оказывается просто. С одной стороны, Ильенков стремился с помощью «Загорского эксперимента» доказать истинность положений марксистской теории формирования личности, как об этом уже

говорилось выше, а с другой – использовал эти положения для собственной, весьма произвольной интерпретации фактов (искажения их) с позиций этих марксистских положений. Этот «круг в доказательстве», собственно, и демонстрирует нам Пущаев. «На наш взгляд, – пишет он, – идея авторов „канонической версии“ насчет равнозначности слепоглухоты врожденной и наступившей в раннем возрасте имеет свои истоки в марксистской философии, в ее духе и общих идеях» (Пущаев 2013б, с. 127), а постольку эти идеи не вызывают сомнения и служат опорой для «Загорского эксперимента». «Другой фактор, который повлиял на то, что они закрыли глаза на отсутствие тотальной слепоты с рождения у своих воспитанников, заключался в том, что они очень хотели верить в то, во что верили. И тут мы, возможно, имеем дело со своего рода революционным нетерпением, которое внушало, что новый мир и новый человек – вот они, уже совсем рядом. Это психологически подталкивало к тому, чтобы не видеть какие-то огрехи в собственной концепции, закрывать на них глаза» (Пущаев 2013б, с. 128). Что тут скажешь! Человек видит то, что хочет видеть, а чего не хочет, не видит. Очень хочет верить, и верит, а когда очень не хочет, не верит. Обычное дело. Но причем здесь наука, эксперимент и теория?

И вот, наконец, заключительный вердикт: «Действительная, фактическая сторона Загорского эксперимента не соответствует тому, как она излагалась авторами „канонической версии“» (Пущаев 2013б, с. 133). Однако, считает Пущаев, «сознательной фальсификации авторы „канонической версии“ не допускали, поскольку устраняли это несоответствие фактических данных своим теоретическим построениям при помощи ad hoc гипотезы», которая «органично вытекает из марксистской философии» (Пущаев 2013б, с. 133). А потому «мы можем в данном случае говорить об ошибочности их построений, но не о „злом умысле“ и сознательной фальсификации с их стороны» (Пущаев 2013б, с. 133–134).

Задачу адвоката Пущаев выполнил добросовестно. Он доказал, что не было «злого умысла», сполна использовал для оправдания мотив «благого намерения», но это вряд ли может смягчить участь его подзащитных, ибо само стремление скрыть и переиначить решающие факты имело место. Это делалось сознательно. Такое действие называют не ошибкой, а **фальсификацией**.

Пущаев слишком снисходителен в своих оценках. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочесть доклад С.А. Сироткина и Э.К. Шакиновой на конференции, где все расставлено по местам без излишней дипломатии. Замечу, что этот доклад был полностью одобрен директором Института дефектологии Академии педагогических наук В.И. Лубовским. Он подчеркнул, что доклад

отражает содержание недавно опубликованной в журнале «Дефектология» статьи докладчиков (Сироткин, Шакинова 1988), «основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив ученых нашего Института» (Слепоглухонемота 1989, с. 75).

Я хочу обратить внимание на те места доклада и ответов С.А. Сироткина на вопросы, которые обошел вниманием Пущаев. Он писал в своей статье, что Ильенков, говоря о слепоглухих от рождения, якобы нигде не упоминал имена четверых своих подопечных. Но ведь мною уже приводилось то место из его статьи в журнале «Коммунист», где это было сделано: все названы поименно. Но чтобы сразу поставить точку в этом обсуждении, я приведу выдержки из интервью Ильенкова газете «Огни Алатау» от 15 ноября 1977 г. под названием «Право на творчество», которое воспроизведено в докладе Сироткина и Шакиновой: «В том, что способности, талант можно развить у каждого человека, меня окончательно убедил Загорский эксперимент, имеющий мировое (!) звучание. Вы, конечно, знаете суть эксперимента, позволяющего как в замедленной киносъемке проследить узловые этапы становления человеческой личности, сознания, самосознания, воли, эмоционального строя и нравственных начал... Четверо ребят только что защитили дипломы на психологическом факультете МГУ. Они выросли на моих глазах. Я видел, как свершилось педагогическое чудо рождения души и становления таланта. Это потрясающие факты. Те, кто были *отгорожены от мира непроницаемой стеной слепоглухоты, не имели ни психики, ни самосознания*, стали высокообразованными, талантливыми людьми» (Цит. по: Слепоглухонемота 1989, с. 102. Курсив мой. – Д. Д.).

Оказывается, у С.А. Сироткина, А.В. Суворова и остальных до «Загорского эксперимента» не было «ни психики, ни самосознания». По словам С.А. Сироткина, в концепции Ильенкова «слепоглухой предстает „tabula rasa“, на которой пишет всемогущая рука педагога» (Слепоглухонемота 1988, с. 93). Приведа множество фактов фальсификации из благих побуждений, докладчики говорят: «К сожалению, „святая ложь“, „ложь во спасение“ неизбежно перерастает в настоящую ложь со всеми негативными для слепоглухих последствиями» (Слепоглухонемота 1989, с. 102).

Э.В. Ильенков не только переиначивал факты, скрывал правду, но и активно боролся за сохранение этой неправды. Вот слова С.А. Сироткина: «У нас с Эвальдом Васильевичем был тяжелый конфликт, и это свидетельствует о том, что он сознательно скрывал определенные факты во имя чистоты концепции и Эксперимента» (Слепоглухонемота 1989, с. 26). Эти «определенные факты», о которых затем подробно рассказывает С.А. Сироткин, являются решающими: они

не оставляют камня на камне от концепции «Загорского эксперимента» Ильенкова. Это давно и многократно публично представленные факты, что никто из замечательной четверки не был слепоглухим от рождения, и особенно факты о том, что у них были остатки зрения и слуха. Пожалуй, главным подтверждением того, что здесь была не ошибка, как считает Пущаев, а именно сознательная фальсификация, служит то, что Ильенков не просто скрывал эти факты и активно боролся за их сокрытие, но и принуждал к этому своих учеников. Об этом тоже подробно рассказано в докладе и в ответах на вопросы. На этом стоит остановиться подробнее. Конфликт начался с попыток Ильенкова запретить Александру Суворову самостоятельное передвижение по городу, самостоятельные переезды из Загорска в Москву и обратно. Это наглядно и вопиюще противоречило его концепции. «Однако одновременно с этой причиной, говорится в докладе, появилась другая, более серьезная и принципиальная, углубившая конфликт: была опубликована небольшая публицистическая повесть „Выход в мир“ (Простор, 1977. № 7. С. 106–127), в которой Э.К. Шакенова (тогда Сериккалиева) рассказала о знакомстве с „четверкой“ слепоглухих... Именно эта публикация вызвала гнев Эвальда Васильевича и все его последующие действия (гонения на автора, требование к слепоглухим порвать с ней под угрозой расправы, заявления в высшие инстанции). Нелегко было понять причины такого взрыва страстей. А объяснялось все тем, что в повести слепоглухие... представлены видящими и слышащими (слушающими симфоническую музыку, разглядывающими автомобили и т. п.), что принципиально подрывало престиж эксперимента, концепции **целенаправленного формирования человеческой психики с „нуля“**» (Слепоглухонемота 1989, с. 97). «Была нарушена та логика и традиция изложения, интерпретации фактов из жизни и развития слепоглухих, в которой выдержаны все публикации самого Э.В. Ильенкова, его сторонников и по сей день» (Слепоглухонемота 1989, с. 97–98).

В это время докладчики и А.В. Суворов готовили к печати книгу «Обретешь друзей» (1978). В ней Сироткин и Суворов рассказывали о своей жизни и, в частности, упоминали о том случае, когда, находясь в разных городах, они общались друг с другом по телефону. Читаем далее: «Еще в процессе подготовки книги к выпуску продолжались гонения, попытки ее запретить, постоянно предъявлялись требования к слепоглухим авторам не участвовать в ней. Были угрозы, что они не получат дипломов МГУ, работы по специальности в Москве, будут направлены в Алма-Ату и т.д. и т.п. Естественно, выход книги вызвал новую волну гнева Э.В. Ильенкова и усиление давления на авторов» (Слепоглухонемота 1989, с. 98).

Теперь должно быть все достаточно ясно, чтобы изменить приговор Пущаева: **не ошибка, а фальсификация!** При этом надо особо подчеркнуть, что ответственность за столь явную фальсификацию несут ведущие научные авторитеты того времени: А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Н.П. Дубинин, которые хорошо знали реальное положение дел, но под флагом борьбы за гуманизм, правду, высокие научные и нравственные ценности лицемерно превозносили «Загорский эксперимент» (как известно, сам термин «создание психики с нуля» принадлежит А.Н. Леонтьеву, и этот термин широко использовался в своих целях Ильенковым). Вот вам ответ на сильное сомнение Пущаева в том, что люди такого масштаба «способны опуститься до прямого обмана».

Обо всем этом надо говорить прямо, без всякой философической политкорректности, ведь до сих пор, как мы видели выше, эта фальсификация выдается за истину. Высокая активность сторонников Э.В. Ильенкова в этом отношении мешает глубокому теоретическому и методологическому осмыслению проблемы слепоглухоты, которая сохраняет значительную актуальность как в нейронаучном, психолого-педагогическом и социальном планах, так и в свете нынешних успехов НБИКС-конвергенции, открывающих возможности протезирования зрения и слуха, возвращения слепоглухим способности видеть и слышать. Именно развитие медицинских и технологических возможностей возвращения слепоглухим зрения и слуха является сейчас главным стратегическим направлением разработки и решения проблемы слепоглухоты.

Библиографический список

- Бэкхерст Д. Еще раз о «Загадке человеческого я» // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 88–96.
- Бэкхерст Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 50–65.
- Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Ментальное и физическое пространство. Москва: Этносоциум, 2016.
- Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62–74.
- Дубровский Д.И. Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.
- Дубровский Д.И. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 142–146.
- Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. Москва: Издательство «Наука» 1971. 386 с. (Второе издание: Москва: ЛЕ-НАНД. 2021. 400 с.).

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Москва: Мысль, 1983.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Москва: Канон+, 2002.

Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.

Лобастов Г.В. Э.В. Ильенков: философия и педагогика // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 83–92.

Майданский А.Д. Воспитание и природа: Уроки Загорского эксперимента // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 81–101.

Плеханов И.А. Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 153–162.

Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (1) // Вопросы философии. 2013а. № 3. С. 132–147.

Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (2) // Вопросы философии. 2013б. № 9. С. 124–134.

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. Москва: Карьера Пресс, 2014.

Сироткин С.А., Шакенова Э.К. О концепции «искусственного формирования» человеческой психики в тифлосурдопедагогике // Дефектология. 1988. № 1. С. 16–22.

Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Москва, 1989. 120 с.

Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность / Издание второе, дополненное; ред., Д.И. Дубровский. Москва: Интелл, 2018. 196 с.

Материалы XVIII международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. Белгород, 2016.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. Москва: Тайдекс Ко, 2004.

References

Bakhurst, D. (2010), Once again about the “Mystery of the Human Self”, *Voprosy Filosofii*, vol. 8, pp. 88–96.

Bakhurst, D. (2013), Psyche, brain and education, *Voprosy Filosofii*, vol. 11, pp. 50–65.

Gubanov, N.I., Gubanov, N.N. (2016), *Mental and physical space*, Ethnosocium, Moscow, Russia.

Dubinina, N.P. (1980), Inheritance biological and social, *Communist*, vol.11, pp. 62–74.

Dubrovsky, D.I. (1968), Brain and psyche (On the groundlessness of philosophical denial of the psy-

chophysiological problem), *Voprosy Filosofii*, vol. 8, pp. 125–135.

Dubrovsky, D.I. (1969), Regarding the article by E. V. Ilyenkov “Psyche and Brain”, *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 142–146.

Dubrovsky, D.I. (1971), *Mental phenomena and the brain: philosophical analysis of the problem in connection with some current problems of neurophysiology, psychology and cybernetics*, Nauka, Moscow, Russia. (Second edition: (2021), LENAND, Moscow, Russia).

Dubrovsky, D.I. (1983), *The problem of the ideal*, Mysl, Moscow, Russia.

Dubrovsky, D.I. (2002), *The problem of the ideal*, Kanon+, Moscow, Russia.

Ilyenkov, E.V. (1968), Psyche and brain (Response to D.I. Dubrovsky), *Voprosy Filosofii*, vol. 11, pp. 145–155.

Ilyenkov, E.V. (1977), Personality formation: to the results of a scientific experiment, *Communist*, vol. 2, pp. 68–79.

Lobastov, G.V. (2015), E.V. Ilyenkov: philosophy and pedagogy, *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 83–92.

Maydanskaya, A.D. (2019), Nurture and nature: Lessons from the Zagorsk experiment, *Philosophical anthropology*, vol. 5, iss. 1, pp. 81–101.

Plehanov, I.A. (2007), D. I. Dubrovsky and E.V. Ilyenkov: an unfinished dispute about the nature of the psyche and the ideal, *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after: N.I. Lobachevsky*, vol. 1 (6), pp. 153–162.

Pushchaev, Yu.V. (2013a), History and theory of the Zagorsk experiment. Beginning (1), *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 132–147.

Pushchaev, Yu.V. (2013b), History and theory of the Zagorsk experiment. Was there falsification? (2), *Voprosy Filosofii*, vol. 9, pp. 124–134.

Ramachandran, V.S. (2014), *The brain tells. What makes us human*, Karyera press, Moscow, Russia.

Sirotkin, S.A. and Shakenova, E.K. (1988), On the concept of “artificial formation” of the human psyche in typhlosurdopedagogy, *Defectology*, vol. 1, pp. 16–22.

Deafblindness: historical and methodological aspects. Myths and reality (1989), Moscow, Russia.

Deafblindness: historical and methodological aspects. Myths and reality (2018), Intell, Moscow, Russia.

Materials of the XVIII international scientific conference “Ilyenkov Readings” (2016) Belgorod, April 28–29 th 2016, Belgorod.

Efroimson, V.P. (2004), *Genetics of ethics and aesthetics*, Taydeks Co, Moscow, Russia.

Submitted: 25.08.2023

Revised: 01.10.2023

Accepted: 10.12.2023